

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.1/9

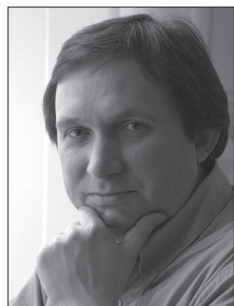
DOI: 1606.951X.2015.2.2173

Ю.М. РЕЗНИК, М.А. ПРОНИН

О СЕБЕ В ПРОФЕССИИ И ЖИЗНИ: ОПЫТ СО-РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. Крепкие нервы и позитивный настрой – адекватный взгляд современного философа на жизнь. Диалог в вопросах и ответах двух философов-ровесников об обречённости оставаться человеком на шестом десятке жизни. Исчисление опыта, понимание самого себя открывают им возможности прожить вторую половину жизни иначе. Их откровенный разговор приоткрывает дверь во внутреннюю «кухню жизни» и систему мировосприятия современного философа. Если вам, уважаемые читатели, интересно сравнить взгляды и внутренние экзистенциальные опоры этих людей, то их публичный разговор предоставляет такую возможность.

Abstract: Strong nerves and positive attitude constitute an adequate view of life for modern philosopher. This is a dialogue in questions and answers between two peer philosophers in their sixth decade of life about

being doomed to remain human. Calculation of experience and self-awareness open for them the possibility to live the second half of life differently. Their frank conversation opens the door into the inner “life kitchen” and the system of worldview of modern philosopher. If you, dear readers, are interested in comparing views and internal existential pillars of these people, their public discussion will provide such opportunity.

Ключевые слова: философия, антропология, психология, медицина, личность, культура, общество, диалог, виртуалистика, внутренний мир, духовная близость, рефлексия.

Keywords: philosophy, anthropology, psychology, medicine, personality, culture, society, dialogue, virtualistics, inner peace, spiritual closeness, reflection.

Ю.М.: Михаил Анатольевич! Позвольте Вас поприветствовать. Начнем со знакомства, хотя мы знакомы с 2001 г. и постоянно поддерживаем контакты. Тем не менее, я,

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии ФСФ ИОН РАНХиГС (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: mapronin@gmail.com.

Резник Юрий Михайлович, выступая в данном случае в качестве проблематизатора нашей беседы, хочу познакомиться вновь. Знаю Вас лично, Михаил Анатольевич давно, и питаю к Вам самые теплые и дружеские чувства. Но сам жанр нашей беседы (предположительно, если получится, диалог) задает рамки честного и откровенного обмена мнениями. Я предьявляю Вам свою позицию или высказываю собственную точку зрения, а Вы — соответственно свои. Давайте попробуем, а вдруг получится.

М.А.: Здравствуйте Юрий Михайлович! Давайте попробуем! Личный разговор между нами, видимо, давно назрел, как для нас самих, да и для коллег. Чувства у меня к Вам самые товарищеские и открытые. С чего начнём?

Ю.М.: Начнём с начала. Первый вопрос, Михаил Анатольевич! Кем Вы себя представляете в настоящее время? Кто Вы сегодня — человек, ведущий определенный образ жизни, мужчина в зрелом возрасте, ученый, занимающийся весьма специфическими проблемами, руководитель, кто еще? Выделите главное, что Вас характеризует как человека. Нет, не бывшего медика, не руководителя проблемной группы виртуалистики, а именно человека. Меня называют часто «хорошим организатором» в науке, издании журнала, но я с этим категорически не согласен. Это не самое значимое для меня свойство. Претендую, как минимум, на статус оригинального человека, не обделенного разными талантами, в т.ч. и, надеюсь, в первую очередь, исследовательскими.

Михаил Анатольевич! Пока вы привыкаете к моему стилю и настраиваетесь на беседу, я могу уточнить и одновременно дополнить свой вопрос. Кем или чем Вы себя сейчас чувствуете? Можно попытаться использовать образы зверей, растений и чего угодно (например, «человек-муравей», «яблоко, которое не желает падать с дерева», «вирус, затаившийся на века и ждущий своей миссии» и пр.).

Со своей стороны, я чувствую себя иногда волком, бегущим вдоль линии красных флажков (в духе песни Высоцкого), хотя это ощущение у меня с годами ослабевает. Порой оглядываюсь назад, а там ничего нет, кроме собственных страхов. Пора бы, наконец, прибиться к гавани и стать автономным и самодостаточным субъектом (самосушим). Может это — одна из причин, почему я не стал «большим» руководителем. Меня постоянно гложут сомнения, а правильно ли я поступил. Нельзя переживать, сомневаться и одновременно увлекать за собой других людей, показывать им путь в будущее. Им нужна разумная стабильность и предсказуемость завтрашнего дня, а не бег с препятствиями и непонятными результатами.

Наверное, это чувство Вам чуждо. Ваша жизнь складывалась иначе (не скажу, что легче, а просто иначе). Скорее всего, Вы не бежите, а идете спокойно и люди сами прижимаются к Вам (или нет), поскольку темп Вашей ходьбы оказывается им удобным или приемлемым. А может всё происходит иначе? Расскажите, пожалуйста, о своих ощущениях себя и собственного профессионального пути.

М.А.: Кем я себя представляю? Честно отвечу (где «честно отвечу» это и фигура речи, и Ваше предложение быть честным): «Никем!» В плане представлений. Как-то не хочется себя представлять, скорее хочется быть.

Жанр вопросов требует ответов: я могу представиться военным, врачом, специалистом в области авиакосмической медицины, сказать, что я врач функциональной диагностики, программист, радиобиолог или специалист в медицинской радиологии, «ликвидатор» (участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС), токсиколог. Могу также назваться врачом сан-гигиенистом районов размещения атомных электростанций или промышленных объектов по уничтожению химического ору-

жия. Я называю госпрограммы СССР и России, в которых мне удалось принять участие. На этот счет можно найти соответствующие публикации в ведущих журналах.

Могу признаться в том, что я — неплохой психотерапевт в клинике психиатрии и наркологии, сексологии, консультант по управлению, тренер (имеются ввиду активные формы обучения взрослых). Отметить, что кое-что понимаю в практике системного мышления и технологиях его реализации (CASE-технологии и пр.). Могу добавить ещё экспертизу в области управления человеческими ресурсами и корпоративного управления... Я один из ведущих специалистов в стране по применению технологий работы с большими группам людей (Open Space, The World Cafй и пр.).

Пугать дальнейшими перечислениями не буду. Во всех ипостасях есть инвариант: я — научный сотрудник с 1985 года! Главное для меня — наука: это мой жизненный выбор. Я — учёный, несмотря ни на что!

Что я чувствую? Одним словом, то, что нахожусь ещё в пути: есть дороги, на которые я встал, и по ним иду. Бежать по ним бесполезно, порою просто невозможно: целина и бурелом. Начнешь бежать — заросли превращаются в «хлыстоморд», как говорят охотники, ориентиры потеряешь и вдруг обнаружишь, что круги нарезаешь. Как-то однажды в тайге к середине дня к своему удивлению обнаружил, что вернулся назад...

Я сегодня — путник. Страна, по которой я иду — человек: вот, что мне интересно было, ведёт сейчас, полагаю, что и завтра не наскучит.

Ю.М.: Здорово быть путником. Но ещё лучше — ощущать себя в пути, быть, а не слыть идущим. Деятельность у Вас чрезвычайно разносторонняя. И выбор научной карьеры вполне понятен. Здесь есть, где развернуться творческой личности. Но вопросы к Вам остаются...

Михаил Анатольевич! Мы все живем в мире и по-разному его воспринимаем: агрессивно или доброжелательно, восхищенно или разочарованно, серьезно или с юмором и пр. Можно, конечно, сказать, что у каждого из нас имеется свой, неповторимый и в чём-то даже виртуальный мир. Как Вы воспринимаете тот мир, в котором Вы живете, разделяя его с другими людьми (близкими, друзьями, коллегами)? В каких красках, цветах, звуках, тембрах и т.д. И каким Вам видится виртуальный мир?

Мне, например, внешний (социальный) мир представляется в виде большой клетки, из которой давно надо выбраться, но в силу инерции, косности, недостаточной смелости я продолжаю в нём ходить из угла в угол. Клетка выполнена в тёмных тонах, а мир за ней — в зеленых. Более того, я продолжаю в этом мире создавать новые клетки и ловушки для себя. Чтобы я не делал — с негодованием осуждал нашу уродливую политическую действительность, участвовал бы в гонке научно-организационной и публикационной активности в академическом сообществе, множил бы число конференций или расширял бы постройки на своей даче — всё это, в конечном счете, лишь умножает новые клетушки. Меня не покидает ощущение, что я и мои знакомые попали в зону отчуждения, из которой нет другого выхода, кроме как приспособиться к ней и прозябать дальше. Но ведь это не так, вернее, хочется думать, что не так.

Михаил Анатольевич! Забудьте о том, что Вы консультируете других людей. Попробуйте поставить себе диагноз, не опасаясь обнаружить собственные слабости?

М.А.: Юрий Михайлович, зря Вы сказали про виртуальный мир!

Я считаю, что Мир — виртуален! Это провозглашает «Манифест виртуалистики!» Н.А. Носова (1952-2002) — родоначальника отечественной виртуалистики. Я принадле-

лежу к этому философскому и научному направлению с 1998 года, когда попал в Центр виртуалистики Института человека РАН, института, созданного научным, организационным и человеческим гением академика И.Т. Фролова (1929-1999).

Мир состоит из множества реальностей, одни из них находятся в виртуальных отношениях — порождения-порождённости, — а другие нет. Каждый из нас живёт в своём множестве реальностей, какие-то из них автономны, какие-то пересекаются, какие-то создаются несколькими людьми, поколениями, сообществами, народами, странами и даже континентами. Вот такой у виртуалистики взгляд на реальность жизни.

Как я сам смотрю? Как сталинский нарком: «бычьи нервы и позитивный настрой». Николай Константинович Байбаков (1911-2008) об этом главном требовании к сталинскому наркому рассказал в своих мемуарах. У меня в этом году тоже вышли мемуары — «Экзистенция: забытый Чернобыль. Записки ликвидатора». Я рассказываю о том, как командовал штрафниками. Радость жизни — вот, что я берегу. С этим живу.

Диагноз самому себе? Я делаю то, что считаю нужным. Почему это диагноз? Потому, что для большинства моё увлечение виртуалистикой по меньшей мере выглядит странным делом, если не сумасшествием. Но скажите, какой нормальный учёный оказывается без странностей?

Ю.М.: Какой Вы резвый, однако! Я специально «подставляюсь», пытаюсь вызвать Вас на откровенный разговор. А Вы — весь из себя такой «пушистый» и положительный, а также немного загадочный. Как-то уж очень у Вас получается всё гладко. Сам себе соловей и на все руки мастер. Одним словом, человек, убежденный в собственном научном выборе и не опасющийся идти против течения. У меня так не получается. Повидимому, оброс долгами и хвостами. Всё время не успеваю сделать главное, имеющее отношение к делу жизни, и чаще всего занимаюсь тем, что продиктовано текущими и внешними необходимостями, далекими от моих истинных интересов. Вот такой замкнутый и порочный круг.

Продолжим разговор. Но есть и то, что мы воспринимаем как общий для нас (жизненный) мир, в котором мы живем вместе, хотя каждый из нас имеет своё место в нем, собственную «экологическую нишу». Поэтому мой вопрос делится на три подвопроса.

Во-первых, каково Ваше место в этом мире, где и в каком месте Вы ощущаете себя самим собой? Другими словами, назовите точку Вашего присутствия в мире (как у Хайдеггера, «бытие-в-мире»). Где Вы находитесь в данный момент: не конкретно-ситуативно, а вообще?

Что касается меня, то я предпочитаю находиться в пространстве «между-», разумеется, когда мне это удастся. Я называю это состояние трансперсональностью, которая обладает свойствами потусторонности (запредельности), непрозрачности и невесомости. Запредельность означает в данном случае не переход за границы реальности в мир трансцендентного, а существование на границе миров (экзистенции и трансценденции). Этот мир непрозрачен, поскольку не поддается рациональному познанию. И еще он характеризует состояние невесомости. Находиться между «небом» и «землей» трудно, если вообще возможно. Но трансперсональность обладает особым магнетизмом. В ней ты не принадлежишь себе полностью, но и не теряешь окончательно свою самость. Это — то, что надстраивается над нашей самостью, выступая в виде мостика между экзистенцией и трансцендентным. И то, что удерживает тебя в большом мире гораздо сильнее, чем самость и известный всем инстинкт самосохранения.

Конечно, я придумал для себя эту схему, чтобы оправдать свою пассивность и бездеятельность. К тому же мне так проще интерпретировать «свой» и «чужой» миры. Свой мир я называю «жизненным», а чужой — внешним, потусторонним или, по мнению Ю. Хабермаса, «системным». И я не требую от Вас такой же или подобной ей схемы. Но мне интересно, как Вы осмысливаете свою причастность к большому миру и как маркируете свой мир, отделяя его от других миров.

М.А.: С местом в мире, в строю, как говорил наш Президент по окончании второго срока, у меня всё просто: Институт философии РАН — вот мой дом бытия. Мне здесь хорошо. В каком я пространстве вообще? У меня «чин ангельский», то есть бестелесный: проникаю в любые пространства, где есть человек, который хочет это пространство изменить. Человек такой — виртуоз, художник, демиург — мне интересен. Полагаю, что психоаналитику на моём примере есть где развернуться.

Ю.М.: Да, немногословно у Вас получается. И «ангельский чин» скромно себе присвоили. И гуманист Вы «великий»: хотите помочь человекам и главное — знаете, как это сделать. Просто волшебник! А вот у меня отношение к людям очень избирательное. Я помогаю многим, но часто сожалею об этом, когда меня предают. При всей любви к человеку вообще, я не могу признаться в любви ко многим конкретным людям. Ну никак не приму формулу «возлюби ближнего своего». Наверное, всё это происходит от моего личного несовершенства. Поэтому мой гуманизм абстрактный, а Ваш... Вам, ангелам, наверное, виднее.

М.А.: Юрий Михайлович, у меня есть моё профессиональное кладбище. Так что, без ошибок и неудач — не получается. Не всё смог, что хотел. Да и до горизонта познания пока никак не могу дойти!

Ю.М.: Страшно не то, что мы ошибаемся, а то, что уверены в возможности менять мир и непосредственно — других людей, воздействовать на них посредством каких бы то ни было технологий. А это уже пахнет превышением человеческих полномочий и вмешательством в дела господни.

Второй подвопрос. Михаил Анатольевич! Если вообразить невозможное и переместиться во времени или пространстве (как в фантастических фильмах), то где бы Вы хотели оказаться в данный момент? Хотели бы Вы, например, вернуть время и оказаться в раннем детстве, пережить детские чувства? Или может быть оказаться на другом материке, планете и пр.

Со своей стороны я бы хотел оказаться в нужное время на своем месте. На мой взгляд, не так важно, где ты находишься. Гораздо важнее то, кто ты и кем себя ощущаешь. Детство или другая часть жизненного пространства — это часть биографической ситуации, складывающейся в зависимости от нашей картины мира.

Моя картина мира предельно антропоцентрична и персоналистична. Мой жизненный мир находится там, где я нахожусь. И он таков, каким я себя идентифицирую. Но моя социальность есть результат компромиссного соглашения между моей самостью (Я-бытием), с одной стороны, и моей фигурой (набором предписанных ролей), что приводит к персоне, т.е. тому, что выставляется всякий раз напоказ, выступая в виде маски. Каждый выбирает свою маску сам и не только под воздействием внешних обстоятельств. Чаще всего нами овладевает конформизм. Так, мне удобно выступать под масками «организатора науки», «редактора журнала» или кого-то еще. Но свою самость я, как и каждый из нас, стараюсь держать в тени. Думаю, что с Вами происходит нечто похожее, но, конечно же, своё. Интересно было бы узнать об этом «своём».

М.А.: Юрий Михайлович, у меня такое чувство, что я всегда живу не в своё время и не на своём месте. Отбираю летчиков на новые типы самолетов, которых ещё нет. Участвую в подготовке космонавтов для полётов, в которых никогда не приму участие. Еду в Чернобыль, хотя меня, как и других ликвидаторов, никто к этому не готовил: занимаюсь не своим делом! Разрабатываю госпрограмму уничтожения химического оружия, а я его не производил! Работаю с последствиями человеческой жизни — с болезнями... Так что всю жизнь работаю «не в том месте».

В раннем детстве (и не очень раннем) мне было досадно, что на мой век «уже ничего не достанется»: Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась без меня и без Вас. Гражданская прогремела задолго до меня, хотя в детстве я еще помню, что на всех государственных концертах звучала «Эх, тачанка-растовчанка, наша гордость и краса, Пулемётная тачанка — все четыре колеса...». В какой-то момент, видимо на концертах героев «Гражданской» не стало, песню на моей памяти убрали из репертуара. Великая Отечественная война соприкоснулась со мной рассказами деда-фронтовика и бабушки, пережившей оккупацию, рассказами родителей, моими играми в военных окопах за деревней. Стажировки я проходил на линии Маннергейма и в полку Александра Матросова — «стоял с ним в одном строю». Но потом вдруг оказалось, что машина времени жизни меня завезла в развал СССР (распад пусть пишут биографы Ельцина), в расстрел Белого Дома, в реформирование образования, здравоохранения, Российской академии наук... Куда заглянуть на машине времени? Да надо просто взглянуть на итоги реформ, «внедрения» инноваций, выборы?.. Мы и так, как в машине времени, всё крутим по кругу.

Ю.М.: *Куда бы Вас или нас не занесла машина времени — вопрос важный, но не единственный. Главное то, что и как мы в этот момент делали. Я, например, не горжусь тем, что в нужное время оказался не в нужном месте. И когда разрушали Советский Союз, меня не было среди его защитников. Я, как и большинство советских граждан, занимался своим делом (преподавал в вузе) и ожидал развязки событий. А негодование задним числом нисколько не красит ни меня, ни Вас.*

Наконец, последняя часть вопроса о возможных перевоплощениях. Михаил Анатольевич! Где бы Вы хотели жить и работать, если бы можно поменять страну и сферу деятельности?

Я уже ответил частично на этот вопрос. В этом смысле я достаточно консервативен. Предпочитаю находиться там, где мне удастся достичь баланса между своей самостью и жизненными обстоятельствами, за которыми скрываются постоянно изменяющиеся условия среды и работы. Пока это возможно в одном из центральных регионов России. Я его не выбирал. Так сложилась моя судьба. Мои заграничные контакты не сложились. Сказался языковой барьер. Поэтому география моих поездок и перемещений по России и странах СНГ объясняется в первую очередь дружескими связями, расширяющими мой жизненный мир, и потребностями в их укреплении.

Что же касается Вас, то, похоже, Вам импонирует иной образ жизни. Вы там, где в данный момент Вам надо быть. Вы — миссионер и социальный инженер в одном лице. Вам нужна практика и место приложения своих сил. Я не могу себе представить Вас кабинетным ученым. И у Вас есть сильная жажда что-то менять в мире, который Вам не принадлежит. Вы сохраняете еще иллюзию, что это возможно. И по-ангельски готовы протянуть руку павшим или болеющим.

М.А.: Юрий Михайлович, когда судьба вырывает из тебя профессию — буквально из тела, — и ты чувствуешь, что часть твоя остаётся за поворотом жизни, задумаешься о том, что в тебе сохранилось, что это за «чин». Это больно.

Когда я куда-либо приезжаю — и в России, и за рубежом, — я всегда себе задаю два вопроса: «Хотел бы я тут пожить и смог бы я тут жить?» С чем сравниваю? С Москвой, конечно, но не только: я 15 лет прожил в Ленинграде (не в Санкт-Петербурге, а именно в Ленинграде) и 7 лет за границей — в Польской Народной Республике (родился там), и в Германской Демократической Республике. Так вот, мало где я могу ответить «да» на первый вопрос к самому себе, а на второй — нигде «да» не сказал ни разу: не вижу другого места для жизни.

Что касается сферы моей деятельности, то при всём многообразии профессий (как-то подсчитал, что владею более чем двумя десятками профессиональных языков) она у меня одна и та же — «внутреннее пространство» человека: анатомическое, физиологическое, психологическое, личностное, духовное, субъективное, субъектное, философско-антропологическое и пр. Прямо говоря — объект исследовательского интереса всегда под рукой. Ничего более интересного для меня нет. Поэтому сферу деятельности никогда не поменяю: от себя как человека никуда не уйдешь!

Ю.М.: *Здорово, что Вы нашли друг друга — Вы и «внутреннее пространство» человека. Мне, конечно, трудно представить, как Вы там соединяете между собой его разные аспекты. Вы — врач, физиолог, психолог, антрополог и даже философ в одном лице, а вместе с тем и объект самопознания. Как это у Вас получается, не знаю. Но философия человека, на мой субъективный взгляд, от этого «сочленения» весьма далека. Она стремится к целостному познанию и изменению человека, его бытия. Вы же «дробите» человека и его внутренне пространство на части (фрагменты). В этом смысле Вы — великий «фрагментатор», раскладывающий как патологоанатом все части человека по полочкам и изучающий их по отдельности, переходя от одного профессионального языка к другому. Не зря говорят, кто сидит одновременно на двух (и более) стульях, рискует свалиться на пол. У меня тоже есть такой грех. Чем я только не занимался в своей профессиональной жизни — социологией, социальной антропологией, социальной теорией и социальной инженерией. И теперь вот пришел к философской антропологии, которой целиком посвящена моя последняя книга («Феноменология человека: бытие возможного»). А может, это я лежу на полу, а Вы сидите на стуле, и всё у Вас находится в полном порядке?*

М.А.: Юрий Михайлович, Вы же можете сказать про себя (и я тоже), что я такой же как все? И, одновременно, что Вы — совершенно уникальный человек? Как в нас такое уживается?

Ю.М.: *Не знаю, как у Вас получается, а у меня тяга к целостности (и трансцендентному) вшита в матрицу постижения мира. В какой бы специальности я не работал, философская рефлексия везде одерживает верх.*

Ну, и еще один вопрос к Вам в этом же роде, вполне ожидаемый с моей стороны. С кем Вы сегодня в науке и жизни, Михаил Анатольевич? Какова Ваша референтная группа? Как Вы понимаете, на этот вопрос нельзя ответить банальными фразами или отговорками. Ведь речь идет о Вашем жизненном выборе и любая неискренность тут же будет обнаружена нашими читателями. Для себя же я вижу, как минимум, несколько линий размежевания и сближения с другими людьми или институциями, которые задаются выбранными мною трансценденталиями (всеобщими основаниями) и антропологическими переменными.

Первая линия размежевания в философском и научном сообществе — «свой — чужой» (в социокультурном плане). Она связана напрямую с проблемой идентичности. Кто для Вас, Михаил Анатольевич, культурный «чужой» и кого Вы считаете «своим» в культурном отношении? Какие критерии «своякости» и отнесения к своим позволяют Вам избавиться от ненужных и утомляющих коммуникаций? Кто входит в «узкий круг» Вашего личного и профессионального общения? Одним словом, какова Ваша референтная группа?

Я считаю «своими» тех людей, кто в наш непростой век отстаивает в приемлемой для них форме свою личную свободу, причем делая это относительно независимо от высочайших идеалов и без стремления бескорыстно заботиться о благе человечества. Вот такая получается межчеловечность: моя свобода есть условие и предпосылка свободного развития других. Но это очень широкая рамка. Имеется и социальная рамка поуже — конструирование профессиональной идентичности, выбор сообщества и групп интересов. Здесь я с теми, кто придерживается критериев профессионализма и научной этики.

К сожалению, настоящих лидеров и профессионалов в отечественной философии с каждым годом становится всё меньше и меньше. Зато увеличивается число маргиналов, приспособленцев и проходимцев всех мастей. Они одевают мантии академиков несуществующих академий, присваивают себе ученые звания и степени. Кроме псевдоученых и имитаторов, в науке существует еще один враг профессионалов — околонучная бюрократия. Но о ней отдельный разговор.

А Вы с кем сегодня?

М.А.: Прежде всего — я с самим собой! Не знаю, Юрий Михайлович, насколько ожидаем такой мой ответ? У меня есть несколько идей, предчувствий, озарений, успехов и прочее, которые меня ведут. У меня «своя правда» и я её никому не навязываю. Спросят — поделюсь. Не спрашивают — значит, не помешают. Поэтому ситуация «свой среди чужих, чужой среди своих» мне близка по жизненной траектории.

Ю.М.: Вы ушли от моего вопроса «в лоб». Придётся его переформулировать. То, что Вы ладите с самим собой, свидетельствует о Вашей непосредственности. Вам с собой хорошо, ну и ладно. Пусть так и будет. Но в жизни приходится с кем-то взаимодействовать, договариваться, идти на компромиссы. И с кем-то выступать на одной стороне баррикады. Меня интересует группа Вашей поддержки. Как и любой лидер, Вы нуждаетесь в лидерской группе или команде. Вы можете сказать, что такая команда у Вас есть. Не обязательно перечислять поименно её членов. Достаточно подтвердить или опровергнуть моё предположение. Вряд ли как консультанту по управлению Вам чужд дух команды.

О себе я могу сказать следующее: моя команда — это члены редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество», с которыми я поддерживаю творческие отношения уже несколько десятилетий. Это — люди, принадлежащие к разным возрастным категориям и научным специальностям (философы, социологи, этнологи, психологи, педагоги и пр.). Меня объединяют с ними дух общей профессиональной культуры и совместные проекты, а с некоторыми из них — дружеские контакты.

Но кроме команды, у каждого лидера имеется свой актив — его сторонники, единомышленники, просто «сочувствующие», которые не входят непосредственно в команду. Имеются также те, кто выступает примером для подражания лидера, пользуются в его глазах неоспоримым авторитетом. Для меня значимыми фигурами выступают, кроме классиков философии, современные представители экзистенциализма и самобытные отечественные исследователи, предложившие сообществу оригинальные концепции и

проекты. Одним из таких людей был и остаётся для меня Александр Павлович Огурцов, на презентации книги о котором мы недавно с Вами были. О моей референтной группе можно судить также по интервью, которые опубликованы в нашем журнале и размещены на сайте ИФ РАН в разделе «Проекты». Но у многих из тех, кого я включаю в эту группу, я не смог (или не успел) взять интервью. Если хватит времени и сил, то продолжу эту работу.

Вот теперь Вам перешла очередь отвечать на мои вопросы. Так кто же эти люди, у Вас, Михаил Анатольевич? Вы можете дать хотя бы их групповой, а не личностный портрет?

М.А.: Юрий Михайлович, моё ближайшее окружение – мои соратники и сподвижники – члены исследовательской группы «Виртуалистика», авторы монографий и брошюр, что изданы нашей группой. В подробностях всё можно прочитать в моей монографии «Виртуалистика в Институте человека РАН» (2015). Если я продолжаю дело Николая Александровича Носова (1952-2002), то я и с ним до сих пор. Большим счастьем для меня была работа с нашим выдающимся антропологом, этнологом и философом Яном Вениаминовичем Чесновым (1937-2014). С Валентиной Пантелеймоновной Розовой – нашим лаборантом, – я с 1996 года. Рядом и Скоркин Олег Алексеевич – очень интересный исследователь, художник и старший коллега.

Сотрудники Института человека РАН, к коим принадлежите и Вы, тоже есть моё окружение: сердечное и родное. Российское философское общество – Чумаков Александр Николаевич, Королёв Андрей Дмитриевич, другие коллеги – я всегда нахожу в них опору. Павел Семёнович Гуревич как мой научный руководитель по докторской диссертации тоже рядом – поддержка и критика с его стороны бесценна... Одним словом, мне моё окружение дорого.

Ю.М.: *Удивительно, но многие коллеги у нас с Вами совпадают.*

М.А.: Конечно, я бы хотел большего масштаба аудитории и большего охвата нашими идеями. Я люблю открывать для себя новых людей: сейчас совершенно «чужие» коллеги, пришедшие с других орбит жизни, готовят интересные работы с использованием виртуального подхода. Уже есть у них свои маленькие открытия. Надеюсь, прорыв в распространении виртуалистики, как её понимает наша школа, скоро произойдёт.

Ю.М.: *Да, и тогда число рядов Вашей школы возрастёт многократно. Удивительно, но между научной школой и сектой есть отдалённое сходство. Лидеры тех и других виртуальных образований стремятся к увеличению численности своих адептов и сторонников.*

Михаил Анатольевич! Вторая линия отношений с окружающими людьми у каждого из нас может строиться по горизонтали: «близкий – далекий». Кого и в каком смысле Вы считаете близким для себя человеком? Разумеется, речь идёт не о родственниках. Это – скорее или возможно близость по духу, хотя Вы можете внести дополнительные смысловые оттенки в термин «близость». И кто находится на периферии Ваших отношений, далеко от Вас, оставаясь при этом в сфере Вашего внимания?

Моя позиция в этом вопросе заключается в следующем. Для меня близость есть выражение «внутренней», социально не обусловленной связи, которая устанавливается между людьми, придерживающимися общих мировоззренческих и разных профессиональных позиций. Мы считаем близкими тех, кто разделяет наши представления независимо от своего социального положения. Из неё исключается и социальный аспект – нали-

чие или отсутствие дистанции между людьми, занимающими разные статусы. Близкие люди не рассматривают друг друга с точки зрения отношений иерархии. Они равны в принципе. Поэтому между ними отсутствует какая-либо социальная дистанция. С некоторыми же людьми мы чувствуем эту дистанцию (разница в возрасте или статусе) и поэтому близость с ними может быть весьма проблематичной.

Так, например, я считаю близким мне по духу человеком Юдина Бориса Григорьевича. Он мне импонирует не только как серьёзный исследователь, но и как неординарная личность, созвучная мне по своему мироощущению и жизненному стилю. Я благодарен ему за то, что он есть в моей жизни, хотя с некоторыми его взглядами не согласен. Вообще восхищаться, на мой взгляд, можно только близкими в духовном плане людьми, не обязательно являющимися нашими единомышленниками.

Кого же Вы считаете близкими людьми, Михаил Анатольевич?

М.А.: В жизни, Юрий Михайлович, мне близки все люди, которые занимаются своим делом, думают о других и о себе не забывают, я с ними всегда нахожу общий язык.

Ю.М.: Опять Вы, Михаил Анатольевич уходите от прямого вопроса. Но Вы сами определяете меру своей откровенности.

Но я буду продолжать. Третья линия отношений, складывающихся с коллегами, определяется по вертикали: «выше — ниже». Мы с Вами, Михаил Анатольевич, живем в жестко иерархическом мире. Здесь накладываются друг на друга многие факторы (возраст, гендер, статус, сфера образования, уровень интеллекта и т.д.). На каком уровне Вы себя обнаруживаете? Если Вам ближе стратификационный подход, то можете описать свое положение в терминах стратификации (класс, страта, группа и пр.).

Но имеется ещё один критерий. И здесь выше нас только звездное небо. Я, например, преклоняюсь перед классиками философии и считаю их труды общим достоянием человечества. О величии этих людей можно судить по масштабу их деятельности. Великими в философии я считаю тех, кто создает (и определяет) смыслы своей эпохи.

Среди современников (20–21 вв.) я бы отнёс к ним таких философов, как М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, К. Ясперса, Н. Лумана, Ю. Хабермаса и многих других. Они созвучны мне, прежде всего, по стилю теоретизирования и манере выражать свои мысли. С ними можно соглашаться или нет. Именно с ними я соотношу свою деятельность в философии, сверяю выводы. Я мог бы назвать многих коллег по нашему философскому цеху, но не хочу никого обижать.

И во все эпохи в философии существует своеобразное разделение труда: с одной стороны, «основоположники» или «классики» и их последователи, с другой стороны, «исследователи» и «преподаватели», «книжники» и «библиотекари», одним словом те, кого называют «философами» и «чернорабочими философии». Вот к последним я себя и отношу.

А как Вы, Михаил Анатольевич, ко всему этому относитесь? Вопросов много, но ведь отвечать на них всё-таки надо, хотя можно и избирательно.

М.А.: Отвечу. Выше меня всегда только небо и звёзды. Я очень хорошо знаю своё родное небо, то место, из которого оно видно. Всегда в гостях — в России и за границей — смотрю на небо и звёзды: очень видна разница. Преклоняюсь перед музыкой. Женщина для меня — огромная жизненная ценность. Мой ребёнок — чудо. Друг — дорогого стоит. Люблю ржаной хлеб, белый не ем, если только это не «кирпичик», с кислинкой и очень пористый. Но ни того, ни другого сейчас с огнём не съешь.

Иерархия — священный порядок. Я родился в СССР, живу в России. Умирать где буду? Так что, где она — эта социальная и политическая иерархия — завтра?

Я — мужчина. Живу в этой иерархии. По своим внутренним установкам я благодарен Яну Вениаминовичу Чеснову, своему старшему коллеге и учителю в полевой антропологии. В этом смысле я — долгожитель. Это не значит, что я проживу 100 лет. Речь идёт о мировоззрении и системе ценностей. Я же и врач, а врачу больной человек доверяет самое ценное — свою жизнь. С ценностью жизни я и работаю. Поэтому мне интересны те звёзды философии, которые пишут об этом. Здесь, по этому вектору и происходит размежевание — с кем я, кто для меня чужой и пр.

Ю.М.: Михаил Анатольевич! У каждого из нас складывается по-особенному жизненный путь. Вы — «медик» по образованию, а пришли в науку и философию. «Отчасти», потому что у меня не сложилось представление о Вас как о философе. Возможно, что я недостаточно знаком со всем вашим творчеством и ошибаюсь.

И всё же, какова Ваша научная самоидентичность? Кем Вы себя считаете — исследователем, методологом, проектировщиком и пр.? Вопрос, конечно, провокационный и Вы не обязаны на него отвечать. Мне приходилось слышать о Вас, что Вы — «везунчик» и в силу своего адаптивного характера всегда устраивали любое (старое или новое) научное начальство, которое, несмотря на Ваши увлечения непонятной им виртуалистикой, давало Вам «зеленый коридор». Вы успели «побывать» ученым секретарем, продолжаете руководить проблемной группой. Одним словом, Вы всегда оказывались на плаву, при хорошей должности, с грантами, с возможностями регулярных командировок.

Чем Вы все-таки объясняете такую везучесть и легкость своего социального бытия? Люди редко получают подарки от судьбы, если что-то или кого-то не переступают в жизни, т.е. не приносят в жертву. Лично я знаю, что Вы — настоящий трудоголик, достойный всяческого уважения. Конечно, базового философского образования у Вас нет, но есть огромный опыт исследовательской работы и уникальный жизненный опыт.

М.А.: Наверное, Юрий Михайлович, по своей натуре я — новатор. Я любопытен, любознателен. Люблю увлекаться и чем-то, и кем-то. При всей разбросанности и нелогичности моих жизненных одиссей все они роятся вокруг внутреннего пространства человека, как бы его ни называли: психологическим, духовным, антропологическим, субъектным и пр.

Онтологическая структура этого пространства и есть объект моих философских размышлений. Моё глубокое убеждение заключается в том, что та категориальная сетка, которой мы описываем внешний мир — актуальное-потенциальное, абстрактное-конкретное, идеальное-материальное, сущность-явление и пр. — не подходит для познания объектов внутреннего мира человека. Школа Н.А. Носова называет такие объекты виртуальными. Компьютерная виртуальность не работала, если бы не работала природная виртуальность человека. Именно человеческая природная виртуальность меня и интересует как исследователя. Она же и выступает «ситом» для отбора тех или иных воззрений и подходов к её изучению.

Да, я не философ по образованию — не могу быть преподавателем философии. Тем не менее, я уже говорил, что в 2015 году у меня вышла монография «Виртуалистика в Институте человека РАН», посвященная новой истории виртуальной философии. Поэтому профессиональные философы будут по ней читать лекции по философии виртуалистики. Я пришёл в философию как эмпирик, а из этого вытекает интересное следствие — зачастую я лучше, чем профессиональные преподаватели философии, чувствую и могу аргументировать значение философии для науки и жизни. И

здесь проходит граница, о которой Вы спрашивали, между «своими философами» и чужими — такими, как я.

Что касается моих отношений с начальством на протяжении всей жизни, то начальство меня всегда, если не терпело, то мирилось с моим наличием. Должность моя — старший научный сотрудник — вот уже 30 лет: ума ни приложу, для кого она столь хороша? Зарплата как у уборщицы. Грантами не избалован — в основном исполнитель. Командировки — в подавляющем большинстве случаев за свой счёт. В жертву же всегда приносил заработок: что зарабатывал — тратил на возможность заниматься наукой. Я защищался как внешний соискатель: шесть лет ездил в отпуск в alma mater — в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова в Ленинград...

Сейчас занимаюсь — обопрусь на Ваши слова — «непонятной виртуалистикой». Знаете, — не сахар. Ведь инаковость мировосприятия — нелегкий путь! Тем не менее, начальство всегда в моём взгляде находило здравый резон, видимо, моё упорство и готовность довести дело до конца, мотивировало их на поддержку меня и моего дела.

Уникальный жизненный опыт? Когда я сегодня говорю о своём участии в пяти государственных программах ещё СССР (некоторые я перечислил), то это вызывает злобу и ненависть у организаторов современных российских инноваций. Почему? Ох, не любят они ничего хорошего из прошлого СССР. Ещё один ответ про самоидентичность. Я — советский учёный. Хочу ли стать русским учёным? Не знаю. Пока не получается: то ли мне философского образования не хватает, то ли что-то в российской научной консерватории надо подправить (академики и член-корпы с этой задачей за 25 лет не справились...).

Ю.М.: Спасибо за исчерпывающий и откровенный ответ. На этот раз, как ни странно, я удовлетворен. Только я не вижу большой разницы между русскими и советскими учеными. В основе деятельности тех и других лежит подвижничество и бескорыстное творчество.

Но у меня ещё остались к Вам вопросы. Михаил Анатольевич! У Вас средний по нынешним меркам возраст в науке. Вы легко сходите с людьми. В отличие от Вас моё отношение к людям более предвзято и избирательно. С Вами, наверное, хотят сотрудничать, не смотря на вид исследований, который Вы избрали. За мной же тянется шлейф предубеждений и подозрений. Хотя по Вашим ощущениям Вы не слышите «своим парнем», а скорее выступаете как «свой среди чужих». Как Вы сами это можете объяснить или оценить?

М.А.: Юрий Михайлович, я человека люблю. Если коллега — человек, то у меня с ним всегда сложатся отношения. Медицинский взгляд на персону тоже помогает не конфликтовать и что-то пропустить мимо себя. Из желающих сотрудничать со мной — очередь не стоит: уж больно специфична виртуалистика. Предвзятость моя к коллегам проявляется только в одном: уважает ли он жизненный выбор человека, даже если тот неправ. В фундаментальной науке и философии без всего этого нельзя.

Ю.М.: Весь вопрос заключается в том, кого можно или следует считать человеком или точнее — Человеком.

Не могу обойти стороной и еще один, «щекотливый» вопрос. За что Вам, сегодняшнему, Михаилу Анатольевичу стыдно? Перед кем или чем Вы бы хотели извиниться?

М.А.: Стыдно? Что страну — СССР, — развалили. Стыдно, что на Горбачёва смотрел, как на руководителя, что за Ельцина проголосовал, что Институт человека РАН закрыли... Есть ещё личные вещи: что психиатром не стал — надо будет, как дойдут руки, пройти специализацию. Философия сознания того требует. Сожалею, что взрос-

лею в некоторых вопросах жизни медленно. Вдвойне меня огорчает то, что большинство российского населения эти вопросы даже не замечает.

Ю.М.: Мне, как и Вам, стыдно за то, что мы (наше поколение) спасовали в трудный для страны исторический момент. И ещё мне бывает стыдно, когда по моей вине явно или неявно кто-то страдает.

В заключении хочу сделать Вам комплимент. Я недавно изобрел новый термин — «доброумие» (сочетание ума и доброты). Как мне кажется, этим качеством Вы наделены от Бога, как никто другой. Но доброумие и добросердечие — не одно и то же. Возможно, Вам не хватает сердечности и участия, не мне судить. Про себя могу сказать то же самое. Я бываю очень остёр на язык, как будто кто-то меня за него тянет. Часто сожалею о сказанном наспех. Так, я долго переживаю о том, что неволью кого-то обидел.

М.А.: Юрий Михайлович, у меня не было задачи Вас судить и оценивать. Как я понял жанр нашего разговора — Вы тоже честно «подставлялись», отвечая на свои же вопросы ко мне. Я Вам за такую правду признателен.

Сердечность моя — в моей профессии: я военный врач, ампутировал людям конечности. Не ампутирешь — умрёт от гангрены, ампутирешь — инвалидом сделаешь... Да и психирургией как психотерапевт изредка занимаюсь. Как педагог — учу жизни, в прямом смысле — выживать. Не всегда, но зачастую, когда вопрос касается жизни или смерти, добросердечие хуже зла.

Участие моё избирательно, во всём. Это правда.

Ю.М.: Ну вот и Вас обидел. Михаил Анатольевич! Какой бы Вы хотели задать вопрос мне? Но вначале предложите свой вариант ответа. Будем играть по принятым нами правилам до конца.

М.А.: Юрий Михайлович, полноте! Я огромное удовольствие получил от нашего разговора. Я же подтвердил Ваше суждение, сказав о своей «профессиональной деформации», как она выглядит на первый взгляд. Надеюсь, я как-то объяснил, чем взвешено моё добросердечие.

Ох, вопрос!..

Юрий Михайлович, а Вы мечтаете совершить какую-нибудь революцию? Или принять в ней деятельное участие — в тихой, бескровной революции, но нужной для развития человека, человечества?

Я отдаю себе отчёт (и об этом уже сказал) в том, что виртуалистика готовит парадигматический поворот в науках о человеке. Категориальная сетка, описывающая внешний мир, не подходит для формирования представлений об онтологии внутреннего пространства человека — его психики, сознания, души! Вот моё и моих коллег научное поприще. На этом стоим.

А Вы, Юрий Михайлович, какой каплей какой камень точите?

Ю.М.: Я же мечтаю внести свой посильный вклад в осуществление феноменологического переворота в философии и науках о человеке. В нашем институте работает несколько крупных специалистов по феноменологии (П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошилова и др.). Мной тоже сделан первый шаг в этом направлении. Как Вы знаете, недавно в институте прошла презентация моей новой монографии «Феноменология человека. Бытие возможного». Вряд ли это можно назвать научной революцией. Феноменологическая парадигма в науке изобретена не мной. Её создание связывают с именем Э. Гуссерля. Сейчас идёт разработка так называемой пост-феноменологии, строящей свои доводы на корректировке гуссерлевской концепции интенциональности.

Что же касается моей общественной активности, то она ограничена издательской и просветительской деятельностью. Я не стал политическим аналитиком или технологом, чем особенно горжусь. Философ не должен иметь отношение к манипуляциям общественным мнением и поведением. Устоял я также и от соблазнов сотрудничества с нынешней властью, платформу которой не во всём разделяю.

Мне по сердцу заниматься организацией научного пространства, продвигать идеи ученых в сферу гражданской общественности. Я хочу быть там, где мои аналитические способности и организационные навыки оказываются наиболее востребованными. В этом состоит моё профессиональное кредо. Пока, правда, не везде удаётся найти взаимопонимание с властвующими субъектами. Поэтому моя «тихая» и «локальная» революция относится к близкому кругу — моим коллегам, друзьям и тем, кто принимает меня как личность. С ними вместе я выстраиваю «параллельное» и «малое» гражданское общество, пытаюсь действовать в соответствии с его принципами и продвигаться далее в решении актуальных философских и социально-научных проблем существования человека.

Спасибо, что Вы согласились на не совсем привычный для интервью разговор.

Поступила в редакцию 19.09.2016 г.